

Джон Апдайк:

Класс. правда. — 1992 — 18 сев.

Я боюсь собак, когда они грустно воют...

Джон Хойер Апдайк — обыкновенный американский писатель. Такой же «обыкновенный», как Сэлинджер, Воннегут, Фолкнер, Фицджеральд, Брэдбери...

«Я пишу про то, что вижу, то, что вижу — ненавижу. Очень сильно ненавижу и поэтому люблю...» — поется в одной хорошей песне. Апдайк полюбил, я уверен, именно за то, что он писал про то, что видел.

Лично я читаю и перечитываю «Ту же самую дверь», «Кролик, беги», «Кентавр», «Супружеские пары» просто потому, что иногда хочется прочесть об обыкновенной человеческой жизни — со всеми ее бытовыми неурядицами, семейными склоками, чьей-то сексуальной озабоченностью и т. д. О жизни ни советской, ни американской, ни японской — просто человеческой. И чтобы, сравнив ее со своей собственной, не сплунуть с досады, а грустно улыбнуться...

— Ваш день рождения — 18 марта. Это день выхода космонавта Леонова в открытый космос и День Парижской коммуны.

— Не знал. Интересно, что значительнее: быть парижским коммунарком или в буквальном смысле шагнуть в бездну Вселенной? У вас в России какая из этих двух дат отмечается ярче?

— Увы, сейчас другие даты.

— Жаль, могли бы устроить себе лишней выходной.

— В советской критике вас называли писателем «американской трагедии».

— Я скорее ближе к американской мечте.

— В чем для вас американская мечта?

— Это прежде всего вера в Америку. В возможность быть максимально свободным в этой стране как личность, как можно более широко ис-

пользовать свои исходные возможности, стремясь к человеческому счастью и благополучию. На этом пути есть одно препятствие — тот факт, что каждая личность живет в обществе, а общество волей-неволей ликвидирует некоторые человеческие свободы. Потому-то люди и конфликтуют между собой, создавая потребности в мечте. Недаром мечтатели часто становятся героями трагедии. Что такое американская трагедия? Это темная сторона свободы. Ведь люди, существа несовершенные, не могут по-человечески использовать свободу. Однажды они оказываются вдруг отторгнутыми ею, а заодно и всем обществом. Тогда человек начинает мстить и общество, и свободе.

По-моему, самая страшная опасность сегодня — это вероятность вспыхивающего насилия со стороны нищей части человечества к богатой. Процесс сглаживания социальных различий буксует, бедные становятся все беднее, они считают, что сытые должны им помочь. А сытые, в свою очередь, уверены, что они никому ничем не обязаны, каждый сам себе спаситель.

— Как вы думаете, могло бы в Америке произойти то, что случилось в России в 1917 году?

— Такие вещи сложно прогнозировать. Хотя в 1933 году в Штатах очень многие хотели социалистической революции, и у коммунистов был довольно высокий общественный рейтинг. Но, по-моему, в американском характере заложен иммунитет к идее диктатуры, тоталитаризма, который никогда не позволит большинству нации пойти за ее носителями. Мы — нация беженцев, людей, бежавших от преследований индивидуальной свободы — политической, религиозной, расовой. Стремление к свободе у нас в генах, и, я убежден, каждый американец готов пожертвовать личными амбициями ради соблюдения принципов свободы.

Если взять столь фантастический сценарий — коммунисты захватили власть в Америке, — то, опять же, я надеюсь, нашлись бы силы, которые оказались бы в оппозиции и в итоге добились бы своего.

— Значит, в своем будущем Америка уверена?

— Сейчас мы переживаем очень трудные экономические времена. Растут налоги, доходы стоят на месте, на

наших глазах японцы скупают Голливуд, а мы смотрим и ничего не можем сделать, ибо они богаче и спороватее. Уровень жизни в Германии, которая проиграла войну, уже выше, чем у нас, темпы экономического роста и сравнивать стыдно. А успокаивать себя тем, что есть страны, где живут еще хуже, не в нашей традиции.

— Насколько, в таком случае, гуманной вы считаете гуманитарную помощь США России?

— Гуманно накормить, а не подкармливать.

— Что внушает вам страх в этой жизни?

— Насилие. Венерические заболевания. Еще я боюсь вдруг истратить все свои деньги. С другой стороны, боюсь переэкзотизироваться. Боюсь собак, которые слишком громко лают или грустно воют. Я боюсь высоты...

— Ваш роман «Кентавр», по-моему, это рассказ о человеческой боли. Что вызывает боль у вас лично?

— Да, боль в «Кентавре» занимает особое место. Страдания отца, которому трудно каждый божий день идти на работу и больно учить своего сына. Сын боится кожных заболеваний. Лично я не переносю зубную боль. И еще мне больно, когда больно другим, когда я вижу, как люди не могут друг друга понять.

— «Где-то больно другим»... Что вас больше трепет: известие о гибели соседа, хрощего парня, которого вы давно знали, или репортаж о смерти 600 рабочих в рудниках Южной Африки?

— Конечно, смерть соседа. Так уж устроен человек. Чем больше в количественном отношении чьей-то боли, тем ее сложнее представить, ощутить.

— Что для вас значит «современная американская литература»?

— Сэлинджер, Фолкнер, Брэдбери. Из более молодых — Энн Тайлер, Дебра Айзенберг, Майкл Шибол. Увы, прошли те времена, когда цель писателя была создать нечто великое. Молодежь старается написать бестселлер и уйти. Это неизбежный и грустный процесс, в жизни общества книги давно перестали играть роль движущей силы духовности. Климат не тот.

— Над чем работаете сейчас?

— Я только что закончил писать сборник стихов и роман «Воспоминания времен администрации Форда».

— Кто «вспоминает»?

— Историк Альфред Клейтон. Повествование ведется от первого лица, и, естественно, в мыслях Клейтона и моих есть много общего. Основная идея: история — это иллюзия. Дело в том, что, чем пристальнее вы рассматриваете то или иное событие, тем иллюзорнее, запутаннее оно кажется. Воспоминания, память вообще проигрывают с человеком удивительные вещи. Столько нового откопано в деле убийства Келлини, но ведь ничего так и не выяснилось! Словом, к истории не стоит относиться слишком серьезно и трепетно.

— Что бы вы сделали, если бы один из двух ваших сыновей попросил у вас разрешения проследить по Америке автостопом — один, без оружия и без попутчика?

— Мой младший сын Майкл однажды уже проделал такую штуку. Я тогда разрешил, скрепя сердце. Что ж, парень набил шишек, по шее ему во время путешествия не раз давали, чуть не ограбили однажды. Но — вернулся, доволен, мужской поступок совершил. Ему ведь тогда было всего семнадцать.

— А если бы Майкл преподнес такой сюрприз: «Папа, я женился на русской девочке, к уезжаю жить в Россию»?

— Не поверите — такое тоже было. Однажды, во время поездки в Россию в составе группы студентов колледжа, Майкл по уши влюбился в русскую студентку. Собрались пожениваться. Не знаю уж точно, где собирались жить, но в конце концов почему-то оба пришли к выводу, что хоть это и романтично, но, пожалуй, игра не стоит свеч. Честно говоря, я тоже тогда сказал Майклу, что это не тот вариант.

А вообще я ничего не имею против браков моих детей с иностранцами: мой старший сын и дочь связали свою жизнь с африканцами. Живут: один — в Америке, другая — в Англии.

— Не дай Бог, случись в вашем доме пожар, что бы вы спасли в первую очередь?

— Рукописи и, конечно, одежду — хорош же я буду голый с рукописями под мышкой!

Ст. КУЧЕР.

